

Моя темная королева

Автор:

[Кристина Тэ](#)

Моя темная королева

Кристина Тэ

Red Violet. Темный ретеллинг МИФ Проза

История Рапунцель известна всем: красавица с волшебными волосами, запертая в башне и обреченная ждать спасителя... Но что, если все было совсем не так? Эта книга – темный ретеллинг известной сказки. Здесь все перевернуто вверх дном, а Рапунцель – жестокая королева, стирающая города с лица земли.

«Моя мать спасла чужого ребенка, и годы спустя поплатилась за это жизнью. Ребенок вырос чудовищем, и стены башни не смогли его сдержать. Это история о девушке с золотыми волосами, нежным ликом и черным сердцем. История моей сестры, моего врага, моей королевы. Это твоя история».

Для кого эта книга

Для любителей ретеллингов и темного фэнтези.

Для поклонников книг Джеральда Брома, Сюзанны Кларк, Наоми Новак, Мариссы Майер.

Кристина Тэ

Моя темная королева

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2022

© Кристина Тэ, текст, 2022

* * *

Маме

Прежде

Олвитанцев я не виню.

Трудно винить тех, кто заплатил столь страшную цену за ошибку, которую на их месте совершил бы любой. Полагаю, даже я, оказавшись по другую сторону нашей сказки, повернула бы тот злосчастный ключ.

И застыла бы, пораженная твоей красотой. И рыдала над незавидной твоей участью. И мстила повинным в твоих печалях.

Уверена, явись я к подножию черной башни впервые, тоже не устояла бы перед призрачной хрупкостью тонкой девичьей фигурки, что тенью промелькнула в вышине и растворилась, вырвав лишние удары сердца из моей груди. И только золото волос, змеей скользнувших по балконным перилам, убедило бы меня, что ты не сон.

И как и олвитанцы, я бы тотчас поняла, что барды, воспевавшие трагедию твоей жизни, не лгали ни единым словом. Да, языки людей длинны, а ноги слухов еще длиннее, но как не бывает дыма без огня, так не бывает и вымысла без истины. И поскольку о тебе говорили много лет, я бы тоже слышала эту историю...

Про злую ведьму, что заточила собственную дочь в башне и пряла из ее волшебных волос чары дурманящие, смертельные. Про то, что дочь эта даже не родная, а выторгованная у самого короля за какую-то пакостную чародейскую услугу. Про годы лишений, одиночества и ожидания... спасителя.

Я бы захотела стать таким спасителем. За один твой добрый взгляд. За одну улыбку.

И олвитанцы захотели.

Так что нет, я не виню их за кровь нашей матери на моих руках. За боль, пронзившую мой живот раскаленной сталью. За жуткий скрежет

повернувшегося в замочной скважине ключа.

Не виню.

В конце концов, им сказали, что в башне живет принцесса.

А в башне томилась ты.

Часть I. Принц и ведьма

Глава 1. Птица в мешке

Когда ты появилась на свет, моей матери не было и шестнадцати, и она, как прочие юные фрейлины королевы, бледным извоянием стояла у ее покоев и вслушивалась в предсмертные крики роженицы за дверью.

Когда король решил тебя убить, моя мать уже и сама была на сносях, но это не помешало ей – единственной – воспротивиться своему господину.

Когда мне было пять, а тебе восемь, матушка рассказала нам о тех днях. И о твоей немыслимой стойкости: ты молча пришла в этот мир и молча готовилась его покинуть.

Теперь ты так же молча сжигаешь дотла города.

Бронак встречает меня с равнодушием древнего исполина, даже не заметившего очередной букашки в своих ветвистых корнях. Его длинные пыльные улицы, точно узловатые пальцы старика, цепляются за каменистый берег моря, а на изъеденных солью и временем стенах домов каждую секунду появляются новые трещины-морщины. Солнце давно перевалило за полдень, но по меркам столицы людей на рыночной площади почти нет, и все равно здесь больше жизни, чем я видела за долгие месяцы пути. Я даже слышу детский смех – тихий и неуверенный, но прекрасный, как трель иволги.

Бронак готов очнуться от послевоенного сна. И я надеюсь, что следом воспрянет и все королевство.

Мои крепкие скрипучие сапоги стучат по бесцветным мостовым тысячелетнего города; в заплечном мешке недовольно ворочается Кайо – ему тоже хочется взглянуть на колыбель, с которой началась наша жизнь и где мы никогда не были. Но свет слишком яркий и до заката еще несколько часов, придется ему потерпеть.

Улицы пахнут морем и порохом, большая часть окон заколочена, и только несколько домов на моем пути сверкают новенькими стеклами. Я щурюсь, ослепленная отскочившими от их глади солнечными лучами. Щурюсь и улыбаюсь.

Да, Бронак открывает глаза. Наконец-то.

Трудно представить, каким он был прежде. Может, и впрямь усыпанным красочными витражами, золотыми флюгерами, багряными стягами да брызгами неумолчных фонтанов, как рассказывала мама. А может, таким же, как теперь, – словно выцветшим на солнце и припорошенным пеплом сгоревших судеб.

Мне, в общем-то, все равно. Уверена, я любила бы его любым, выпади мне шанс расти на этих улицах, а сейчас все здесь мне чуждо – независимо от яркости цветов и витиеватости узоров на фасадах. Сердце не ёкает, не стучит в висках судорожным «дом, дом, дом», не полнится тоскою и радостью. Это просто еще один город на моем бесконечном пути, хотя, вероятно, на дворцовых руинах все будет иначе. На дворцовых руинах мне вряд ли удастся противиться зову прошлого, однако туда я как раз не спешу, словно пытаюсь оттянуть миг неизбежной встречи с самыми жуткими деяниями твоих рук.

Вместо этого еще добрый час я толкаюсь на рынке, впитывая его разноголосицу, затем сворачиваю в проулок и по запаху нахожу неприметную едальню, манящую прохладой полупустого зала и ароматом свежей сдобы. У стойки, нависнув над пузатыми кружками, о чем-то шепчутся два старика, да трое одиночек обедают за щербатыми столами – вот и все здешние гости. В мою сторону никто даже головы не поворачивает, несмотря на громко скрипнувшую и хлопнувшую дверь, и я спокойно пробираюсь в дальний угол, откуда всех видно, а если повезет, то еще и слышно.

Через секунду рядом появляется угрюмый трактирщик, на удивление молодой, но такой же серый и поникший, как сам город, и равнодушно перечисляет короткий список нехитрых мясных блюд, которые я могу получить, и с десятков видов хлеба, от ягодного до имбирного. Он же чуть позже приносит мне рагу и душистый взвар и снова растворяется где-то на задворках, а посетители между тем даже поз не меняют и жуют, кажется, еле-еле.

Я, не сдержавшись, разглядываю их исподлобья, да толку никакого: один, поджарый и плечистый, с выбритыми висками и черным ежиком волос, не поднимает лица от тарелки; второй, тонкий и гибкий, не снимает капюшона; старики сидят ко мне спиной, и лишь грузный и явно обеспеченный бородач виден как на ладони, но совершенно мне не интересен.

Я быстро отвожу глаза, пока не привлекла ничьего внимания, и набрасываюсь на первую за долгое время горячую пищу. И до того увлекаюсь, что вздрагиваю, когда один из стариков подает скрипучий, как ржавое колесо, голос:

– Эй, Охотник, ты ведь тоже его видел! Скажи этой развалине, что я не брешу.

– Кого видел? – вяло отзывается, очевидно, Охотник, сидящий за ближайшим ко мне столом, при этом так и не поднимая головы от давно опустевшей тарелки.

– Кого-кого, олвитанца безглазого. Почитай, седмицу слепо по округе шарит да на руинах дворцовых сидит – никак яйца высиживает. Али вру?

Наверное, я перестаю дышать, потому что зал подергивается дымкой и начинает вращаться, но тихонько вскрикнувший Кайо приводит меня в чувство. Он так и сидит в мешке и, вострепнувшись, едва не падает со скамьи – я едва успеваю ухватить холщовую лямку. Едоки же на птичий клекот внимания не обращают,

но беседа о безглазом олвитанце их слегка оживляет.

- Не врешь, - наконец отрывается от тарелки Охотник, и я вижу, что левая сторона некогда красивого лица совсем еще молодого мужчины изборождена глубокими шрамами. - И впрямь ходит слепой по городу, про королей да принцесс расспрашивает и на руинах гнезда вьет. Бургомистр послал было нас его прогнать, да жалко ж калечного.

- Ишь, жалостливый какой, - фыркает бородач за соседним столом. - Будто сам не калечный.

- Правый глаз у меня отлично видит, - отвечает Охотник, - мимо морды твоей не промахнусь. Да мимо такой и слепец бы не промахнулся...

- Вражину бы с таким пылом гнал, как своим угрожаешь, - встревает третий, скинув капюшон и внезапно оказавшись худощавой девушкой с толстой рыжей косой и чистым, звонким голосом.

- Да какой из него вражина - шагу без палки ступить не может.

- И поздно его уже гнать, - поддерживает затеявший этот спор старик. - Вот года три назад надо было корабли их на подходе топить, а вы встречали как дорогих гостей. Теперь жизнь у них не слаще нашей.

- А то и горше, - бормочет его сосед, - раз к нам побитые ползут.

После изначального тягостного молчания столь бурная беседа, да еще и на волнующую меня тему, сбивает с толку. Я ошалело моргаю, прижимая к груди мешок с притихшим Кайо, и перевожу взгляд с одного незнакомца на другого. Я, конечно, хотела послушать местные сплетни, но они будто нарочно... Не бывает таких совпадений.

- А ты что думаешь, парень?

Я не сразу понимаю, что вопрос обращен ко мне, и несколько секунд молча глазею на задавшего его Охотника.

– Я? – уточняю внезапно севшим голосом.

– Ты, ты, – хмыкает первый старик – лысый как коленка. – Или думал, мы все тоже слепцы, что тот олвитанец, и чужака не приметим?

Его седой приятель кивает.

– Приметим-приметим. Но на еще одного олвитанца ты не тянешь, уж больно бледный.

– И мелкий, – вновь фыркает бородач.

– Для тебя все мелкие, в ком хотя бы пяти пудов не наберется. – Девушка закатывает глаза.

– Я не олвитанец, – быстро вставляю я, почти сползая под стол.

Раз уж приняли за парня, то и не стоит доказывать обратного, хотя обмануть кого-либо я не стремилась. Просто нет во мне девичьей мягкости, давно нет, а волосы так и вовсе с самого детства ниже плеч не отрастают – твоя месть за неосторожно брошенное слово.

– Так что скажешь, не олвитанец? – вновь спрашивает Охотник, прищулив правый глаз. Левый под гнетом шрама и так остается закрытым. – Стоит прогнать слепого из города или пусть себе бродит?

– Зачем гнать, если зла от него никакого, – тихо отвечаю я, и здесь бы остановиться, но я слишком долго молчала. – Всякий может в беде оказаться, лучше б спросили, чем помочь.

– Тьфу, никак святошу к нам занесло, – сплевывает лысый старик и вдруг отворачивается, вновь нависнув над кружкой.

Остальные четверо и затаившийся в тених трактирщик согласно гудят.

- Ты тут поменьше помощь ближнему проповедуй, малец, - советует напоследок Охотник, не то скривившись, не то улыбнувшись, - или вперед слепого из города погонят.

И на этом они теряют ко мне всякий интерес. Рыжая быстро подсаживается к Охотнику и, склонившись, что-то жарко шепчет в его уцелевшее правое ухо. Их грузный собеседник в который раз фыркает, бросает на стол монеты и размашисто шагает к выходу. Старики тихонько ворчат друг на друга, похоже, продолжая спор в более тесной компании. А надо мной вновь нависает тень трактирщика.

Вот только смотрит он не на меня, а на мой чересчур подвижный мешок.

- Выпусти тьму, - говорит наконец трактирщик, не дождавшись от меня ни слова. - Здесь никто не обидит.

Я не удивлена, что он знает про мою вторую половину. Думаю, все здесь знают, раз уж с ходу обозвали святошей, и зла никто из них действительно не причинит. Вот только мешок защищает Кайо отнюдь не от людей и даже не от монстров. Мешок бережет его от любого проблеска солнечного света, а обеденный зал, несмотря на затененность, все-таки не глухой подпол. Мало ли, занавеска на окне дрогнет, или дверь кто-нибудь распахнет так широко, что лучи и до нашего угла дотянутся.

Кайо не просто тьма, которая отделилась от меня, как и от всякого пастыря, в раннем детстве, позволяя целиком сосредоточиться на светлых чарах. Нет, он лишь часть этой тьмы, ибо остальное вернулось в мои вены в миг недолгой смерти, и теперь Кайо недостает силы сопротивляться солнцу.

Неуязвим он только по ночам.

Я неуверенно качаю головой, накручивая на запястье лямку.

- Моя тьма особенная, - все же объясняюсь полупшепотом я.

Вряд ли трактирщик что-то понимает. Он хмурится, сверлит взглядом мешок, будто надеется прожечь в нем дыру или увидеть сквозь плотную ткань, но затем все-таки кивает и снова уходит.

Я стараюсь доесть побыстрее. Вдруг начинает казаться, что каждый в этих стенах в курсе, кто я такая, что задумала и куда направляюсь. И разговоры их неслучайны, и на тьму мою они хотят взглянуть, убедиться...

Глупость, конечно, несусветная. Обо мне и в лучшие времена никто не знал, так с чего бы чему-то меняться сейчас? Но доводы разума спокойствия душе не добавляют, и, быстро сунув оставшийся кусок хлеба в карман, а на стол положив несколько монет, я вскакиваю, готовая уйти.

И утыкаюсь носом в широкую грудь Охотника.

- Мы проводим, - слышу я над головой его тихий голос и отшатываюсь.

Они стоят плечом к плечу, Охотник и рыжая. И смотрят на меня одинаково насмешливо и будто с жалостью.

- Куда? - переспрашиваю глупо.

- Во дворец, - чеканит рыжая, и они, развернувшись, шагают к выходу.

А мне ничего не остается, кроме как бежать следом.

Рыжую зовут Искра, и я не решаюсь уточнить, настоящее это имя или прозвище. Сама я не представляюсь, да никто и не спрашивает, хотя мы плетемся прочь от заходящего солнца уже не менее получаса. Им будто плевать, кого провожать, и развлекать меня беседой никто не собирается, а я всю дорогу мучаюсь догадками, но рот упрямо держу закрытым. Это почти несложно... я привыкла.

Но то ли лицо мое красноречивее всяких слов, то ли таких, как я, у них по пять штук на дню и все одинаковые, но Искра наконец снисходит до объяснений. Правда, лишь когда мы минуем последние дома, от которых веет теплом и жизнью, и ступаем на землю настолько омертвевшую, что ни один росток не успевает сквозь нее продраться, погибая еще до рождения.

Дворец отнюдь не строился на задворках города – напротив, когда-то городские улицы струились вокруг величественных стен, точно ленты у ног танцовщицы. Теперь же Бронак будто испуганно отползает от этой обугленной груды камней все дальше и дальше, грозя вскоре погрузиться в морскую пучину, лишь бы избежать напоминаний о горестях, его сломивших.

– Наши старики кое-что умеют, – говорит Искра, пока я старательно выравниваю дыхание.

В носу и горле свербит, и чудится, что с каждым шагом ноги по колено проваливаются в пепел, но, глядя вниз, я вижу только прочный серый камень.

– Они чувствуют, какие тревоги терзают путников, – продолжает Искра. – Какие вопросы роятся в чужих головах. И куда повернет их судьба в ближайшее время. – Она останавливается и оборачивается ко мне. – И раз при тебе они заговорили о руинах и олвитанце, значит, сюда тебе и дорога.

– А вы?.. – Я не заканчиваю, но того и не требуется.

Искра понимает:

– А мы следим, чтоб чужаки попусту по городу не шатались. Слишком уж много от вас проблем. Проще проводить, чем потом их разгрести.

«Убить чужака или вышвырнуть из города еще проще», – думаю я, но идей подкидывать не хочу. Тем более таких, что выдадут во мне совсем неправильного пастыря.

– Что с твоей тьмой? – спрашивает Охотник, словно тоже читает в чужих головах.

Он шагает чуть позади, и приходится до боли прикусывать щеку, чтобы не оборачиваться каждую секунду. Его взгляд как вонзился сразу тонкой иглой меж лопаток, так и не сдвинулся ни на волосок за все время пути.

Я дергано пожимаю свободным от мешка плечом и молчу. Пытать меня никто и не помышляет.

- Пришли, - вскоре сообщает Искра, но я и без слов это знаю.

Уже давно увидела чудом уцелевшие кованые ворота, будто зависшие в воздухе без всякой поддержки, и каменный остов дворца, похожий на скелет древнего чудовища. Казалось, оно вот-вот взмахнет тяжелыми крыльями и извергнет пламя из своего непроглядно черного нутра.

До сих пор я старалась не присматриваться, изучала раздробленную мозаику под ногами, представляла, какой эта площадь была прежде, искала мельчайшие признаки жизни в этом гиблом месте, но теперь прятать взор уже не получится. Я поднимаю глаза и... больше не вижу монстра. Вблизи груды камней - это просто груды камней.

- В город его не приводи, - предупреждает Охотник, пока я замороженно глажу пальцами шершавые и почему-то теплые железные прутья ворот.

Подушечки тут же становятся черными.

- А лучше убеди убраться отсюда, - поддерживает Искра. - Сам можешь... погостить. Пастыря, тем более совсем мальчишку, никто не тронет.

Я киваю, хотя гостить не собираюсь, ведь если в Бронаке и есть нужная мне вещь, то именно во дворце. Город же... пусть спит спокойно. Он и так многое пережил.

Искра и Охотник не прощаются. В какой-то момент я просто понимаю, что больше не слышу даже их дыхания, оборачиваюсь и вижу удаляющиеся спины. Кайо в мешке глухо ухает и, кажется, норовит выбраться на волю.

Я смотрю на почти закатившийся огненный шар.

– Еще чуть-чуть, – обещаю тихо и обхожу ворота.

Не открывать же их, в самом-то деле, когда рядом не осталось стены.

Найти дорогу в этом нагромождении обломков довольно сложно. Я воскрешаю в памяти материнские рассказы, пытаюсь мысленно нарисовать образ того, живого и шумного, дворца, но в итоге лишь примерно определяю расположение тронного зала, да и то умудряюсь заблудиться. Вокруг только черный камень и едкая пыль. Все уцелевшие ценности давно вынесли местные, а потом наверняка еще раз подожгли пепелище, чтобы начисто стереть королевскую семью из жизни Бронака. Будто их втоптаных в землю костей недостаточно.

Думаю, тебе бы понравилась эта картина. Понравилось бы бродить среди руин босиком, чувствуя, как под ногами рассыпаются прахом останки твоего отца.

Мне же хочется взобраться повыше – может, тогда получится отыскать мертвое сердце этого лабиринта.

Чуть позже, с ног до головы вымазанная сажей и взмокшая от усилий, я стою на необъятной глыбе сросшихся камня и железа и смотрю на того, о ком говорили в таверне.

Действительно, слепой олвитанец совсем близко. Сидит, скрестив ноги, на вздыбленном и растрескавшемся полу перед тронном, которого словно и не коснулись твои разрушительные чары, огонь и человеческая жадность. Я вижу блеск драгоценных наверхий, вижу детально вырезанные оскаленные пасти хранителей правящего рода в изножье и вижу, что это не просто слепой олвитанец, а один из твоих спасителей.

И мой несостоявшийся убийца.

Глава 2. Пустой трон

Из башни тебя вынесли на руках. Вынес самый высокий из них, а больше я о нем ничего и не помню. Лишь огромную тень, что упала на меня, когда он остановился рядом. Да торжество в твоих глазах, быстро сменившееся горькими слезами. Я не раз видела, как ты репетируешь перед зеркалом, и теперь готова была рукоплескать блестящей игре.

Мешал только кинжал, который я силилась вытащить из живота пальцами, скользкими от крови нашей матери.

И юноша, мертвой хваткой сжимавший рукоять этого кинжала.

Вот его я запомнила отчетливо. Каждую черту, каждый всплеск отчаяния и страха на смуглом лице, которое было так близко, что я чувствовала еловый запах его дыхания.

– Избавься от ведьмовского отродья, – велел ему твой главный спаситель и вместе с тобой шагнул в двери, тут же растворившись в слепящем утреннем свете.

А юноша еще целую вечность просто стоял передо мной, не решаясь ни вынуть кинжал, ни надавить посильнее.

Я так хорошо изучила его лицо, что узнаванию не мешают ни прошедшие годы, ни повязка. И пусть плавные линии теперь остры как клинки, уголки поджатых губ словно навеки опущены, а страх и отчаяние сменились суровой настороженностью, во мне нет сомнений.

Это он.

Тот, кто убил меня, а потом, сам того не ведая, спас. И мне бы не хотелось, чтобы он узнал о своей ошибке.

Я понимаю, что пачусь, только когда под неловко опущенной ногой с треском разваливается какой-то черепок. Олвитанец, и до того сидевший неподвижно, будто обращается в камень. Я вижу, как застывают его резкие черты, как наливаются тяжестью плечи. Раньше они не были такими широкими...

– Убивай или уходи.

Он не шепчет, но голос его почти сливается с шорохом голых веток, что скребут по развалинам каменных стен. Голос этот я тоже узнаю, хоть он и огрубел вместе с хозяином; узнаю, потому что слышу его во сне каждую ночь. Он сверкающей змеей заползает под кожу, и эхо тянется за ним, точно извилистый след.

«Кто ты... кто ты... кто ты такая?»

– Впрочем, можешь сначала вдоволь налюбоваться, – продолжает олвитанец, не дождавшись ни смерти, ни моих удаляющихся шагов. – Говорят, в лучах заходящего солнца я неотразим.

Солнце почти село; угасающий свет, превративший мир в ржавую гравюру, не добавляет чужаку ни капли очарования. Тени играют на его лице, и повязка – единственное яркое пятно – на миг кажется мне пропитанной кровью. Как будто темные струйки вот-вот побегут из-под нее по впалым щекам.

– Врут, – отвечаю я громче, чем собиралась, и олвитанец все же вздрагивает.

– Девчонка, – с притворным изумлением тянет он. – А пыхтишь и топаешь как малец.

Все-таки слух у слепых и впрямь обострен. Посетители таверны и видели меня, и слышали, некоторые даже шли рядом через весь город, а девчонку все равно не опознали. Даже Охотник, которому полагается быть хотя бы в половину таким же прозорливым.

Я молчу, не спуская с олвитанца глаз. Смотрю на его напряженную челюсть, на концы алой повязки, запутавшиеся в грязных волосах непонятного цвета. Он чуть разворачивает плечи в мою сторону и ждет, а мне отчего-то совсем не

хочется уходить. Приближаться, впрочем, тоже.

– А бургомистр хитер. Мужики меня прогнать не смогли, так он бабу послал. Ведь вашему племени жалость и милосердие неведомы.

– Я сама по себе, – отвечаю я наконец и начинаю осторожно спускаться.

Под сапогами трещат мелкие камешки, прогибаются железные прутья. Кайо трепыхается с удвоенной силой, и я вздрагиваю и едва не падаю, когда шея касается его холодный клюв.

Останавливаюсь и, опершись спиной на ту самую глыбу, развязываю узел на горловине мешка, который неугомонный друг и так ослабил. Да, в провалах стен все еще виднеется алое зарево на горизонте, но прямых лучей уже можно не бояться, и освобожденный Кайо черной тенью взмывает ввысь.

– Птица, – настораживается олвитанец, вслушиваясь в хлопанье крыльев, и безошибочно провожает его полет поворотом головы.

Заложив над нами пару кругов, Кайо довольно ухает и усаживается на спинку трона.

– Нормальное зверье обходит это место стороной, – продолжает олвитанец и делает неожиданный вывод: – Ведьма.

Что ж, выбирая между пастырями и ведьмами, я бы тоже приписала себя ко вторым. Но ему-то с чего так думать, да еще и улыбаться при этом столь радостно, будто у каждой ведьмы при себе по сундуку с сокровищами?

Я молчу и по широкой дуге приближаюсь к трону. Кайо заинтересованно вертит головой и шумно перебирает лапами; олвитанец медленно встает, опираясь на чуть искривленную палку. Слишком тонкую и иссохшую на вид, чтобы выдерживать его немалый вес, и все же хруста ломающегося дерева я не слышу.

– Не отрицаешь, Ведьма, – продолжает улыбаться он.

На миг забыв, что он незряч, я пожимаю плечами, но тут же спохватываюсь:

- Называй как хочешь.

Три слова кажутся почти непозволительно длинной тирадой. И не то чтобы мне стоит бояться выдать себя голосом – даже если у олвитанца тоже нет проблем с памятью, ему попросту нечего вспоминать. Тогда, три года назад, в миг твоего триумфа, я не проронила ни звука. И все же теперь ловлю себя на том, что стараюсь говорить ниже, глуше.

- Ведьма, – повторяет олвитанец, словно пытается убедить самого себя.

- Ага, – чуть слышно соглашаюсь я.

В конце концов, мама была ведьмой. И бабушка. Даже приятно в кои-то веки ощутить себя частью семейного наследия.

На олвитанца я больше не смотрю. Не узнал он меня и не узнает – куда ему без глаз. А с чего так обрадовался встрече с ведьмой – не мое дело. Мне попросту все равно. Взгляд уже прикован к спинке трона, больше похожей на горную гряду, где каждый пик вместо снежной шапки укрывает россыпь драгоценных камней. Они переливаются в нарастающих сумерках, будто светятся изнутри. Не удержавшись, я протягиваю руку к самому крупному изумруду – и под моими пальцами он словно разгорается еще сильнее. Этот свет моментально просачивается под кожу, согревает кости.

Поразительно все же, как такая роскошь уцелела на разоренном пепелище?

Я касаюсь еще одного камня, мерцающего алым возле когтей Кайо, и в этот миг поднимаю глаза на олвитанца. Тот хмурится. Брови совсем съехали под повязку, поперек лба собрались морщины. Не будь он слеп, уверена, следил бы за каждым движением моей руки. Да что уж... отчего-то кажется, что он и так следит.

И вдруг олвитанец шагает вперед, крепко хватается за подлокотник – и трон под нашими ладонями рассыпается искрами. Долю секунды они растерянно мечутся в воздухе, а потом гаснут все разом, как вспугнутые светлячки.

Лишившийся насеста Кайо ухает, громко хлопает крыльями и перебирается на ближайший камень. Возмущение его до того забавно, что я почти улыбаюсь. Почти.

- Иллюзия. - Олвитанец выглядит довольным. Лоб его разгладился, плечи расслабились. - Они тут каждые несколько минут появляются, то в одном, то в другом углу. Эта крепкая попалась, обычно и мимолетного касания хватает, чтобы...

Он осекается и снова сдвигает брови.

- Ты их... видишь? - пытаюсь я заполнить неуютную тишину.

Если он не совсем слеп, значит... Я с трудом удерживаюсь от желания вновь попятиться.

Он водит перед собой рукой, словно хочет нащупать трон.

- Вспышки, - бормочет рассеянно. - Любые чары - это вспышки в темноте.

Я слабо представляю, как это работает и чем он эти вспышки видит, но мысленную зарубку делаю. Любые чары... Возможно, это как у нас с Кайо - нам порой достаточно одной пары глаз на двоих, и, как правило, это не мои глаза.

- Какая у тебя птица? - вдруг спрашивает олвитанец, словно и сам думает в том же направлении. - Все ухает и ухает... как филин какой.

- Циккаба[1 - Вид сов из рода неясытей. Здесь и далее примечания редактора.], - поправляю я. И зачем-то добавляю: - Черная.

Черная циккаба - это красиво. Угольные перья, сверкающие в ночной тьме, огромные круглые глаза да солнечно-рыжий клюв, пестреющий на этом мрачном полотне. Чем не ведьмовская птица? Хотя олвитанец наверняка уже представил себе ворона.

- Хорошо, - кивает он каким-то своим мыслям. - Хорошо. - А после паузы упирает руки в бока и, вскинув голову, будто смотрит в самое мое нутро сквозь свою

кровавую повязку. – Ну, и откуда начнешь поиски?

В этот миг в голове рождается столько вопросов, что я даже испугаться как следует не успеваю. Просто ошалело моргаю, уставившись на олвитанца, пока внутри писклявое «как он узнал?» сменяется немного истеричными «зачем он здесь?» и «что теперь будет?». Вслух я произношу лишь сиплое:

– Что?

– Поиски, – повторяет он и делает шаг ко мне, предварительно ударив по расколотому полу перед собой кривой палкой. – Ведун сказал, пришлет ведьму мне в помощь, и ты явилась. Надо управиться здесь побыстрее, я и без того ждал слишком долго.

Прелестно.

Я бесшумно выдыхаю и на миг прикрываю глаза. Толком еще ничего не ясно, но обо мне этот чокнутый слепец точно ничего не знает. Судя по всему, его сюда привело предсказание очередного шарлатана, которых – твоими стараниями – за последние годы развелось по семи королевствам как мошкары. И мне не стоит оглядываться и переживать, что вот-вот появится настоящая, посланная ведуном ведьма.

Не появится. Ни теперь, ни через неделю, ни через год. Скорее уж олвитанец и впрямь высидит яйцо.

Другой вопрос: зачем ему вообще понадобилась помощь чародейки?

Я окидываю его свежим взглядом, стараясь отринуть все еще тлеющий в сердце страх и впечатления от предыдущей встречи. Это совсем другой человек. Он слеп, навеки погружен во мрак, но не испуган. Потрепан дорогой и жизнью на развалинах дворца, но грязь и усталость не в силах скрыть горделивую осанку и повадки воина. Уверена, кинься я сейчас на него, уже на первом шаге буду сбита наземь неказистой палкой.

А еще одежда... выжженная солнцем и изъеденная морозами, латаная-перелатаная, но такие ткани я видела только в детстве, когда пряталась от тебя

в сундуке с матушкиными дворцовыми нарядами.

– Твоя рубашка порвется при первом же ветерке, – невпопад говорю я, и олвитанец непроизвольно проводит рукой по груди, теребит шнуровку когда-то яркого и роскошного жилета.

– Зато я знаю, как она выглядит, – отвечает он ровно.

А я понимаю, что по возрасту этих тряпок можно определить день, когда олвитанец ослеп.

– Поиски, – резко напоминает он, не позволяя мне развить мысль. – Времени почти не осталось.

– Боюсь, тебе придется подсказать, что и как я должна найти.

Второй раз за день меня принимают за другого, и второй раз я даже не пытаюсь отрицать. Не вру, но игру поддерживаю. А ведь когда-то даже намек на подобное лукавство отзывался жжением в висках, а уж от откровенной лжи я и вовсе полыхала факелом.

Ты любила эти моменты. Подталкивала меня к ним. И с любопытством безумного ученого наблюдала за моей агонией.

Я по-прежнему жду болезненной отдачи за всякий шаг, направленный против сущности пастыря, но с каждой минутой безнаказанности эта вероятная боль все меньше меня страшит. Наверное, тебя бы разочаровала сегодняшняя я.

Я очень надеюсь, что она тебя разочарует.

Олвитанец молчит слишком долго и как-то слишком сосредоточенно. Затем что-то бормочет себе под нос, трет лоб и наконец произносит:

– Ирманский король знал, как убить эту тварь. Он что-то приготовил. Иначе с чего ей разносить этот дворец по камешку? И оно здесь, я знаю, оно все еще здесь. А как ты его отыщешь – это уже твои ведьмовские штучки. – Он усмехается, широко, надменно. – Оплата будет щедрой, не волнуйся.

Я и не волнуюсь. Точнее, не волновалась, пока он не заговорил. Теперь же с трудом сдерживаю рвущийся наружу поистине ведьмовской хохот.

Разве могло быть иначе? Разве мог слепой олвитанец явиться сюда с отличной от моей целью?

Ты ведь всегда умела заводить друзей.

– Я думала, если ваш Король очнется от чар супруги, то поднимет против нее целое войско, а не одного несчастного рыцаря, поеденного молью.

Я говорю медленно, осторожно, чтобы ни одна капля неуместного веселья не выплеснулась наружу. Впрочем, как и иные чувства – их сейчас во мне с избытком.

– Отныне он и ваш Король тоже, – все с той же усмешкой отвечает олвитанец.

– И все же... боюсь, Королева уже иссушила его рассудок, и смерть ее оставит что Олвитан, что Ирманию в руках безумца. Или вообще без всякой крепкой руки.

Понятия не имею, что за бес в меня вселился и зачем я подогреваю этот спор, но остановиться не могу. Та никчемная толика тьмы, что позволяет мне нарушать заветы света и неизменно искажает любые чары, сейчас словно быстрее бежит по венам и захватывает власть над разумом.

Зато в образ ведьмы эта болтовня вписывается как нельзя лучше.

– Это вряд ли, – уверенно говорит олвитанец, и улыбка его становится шире, но при этом холоднее. – Редкий трон остается пустым надолго.

Мы оба смотрим на пустое место, где совсем недавно сверкал драгоценными камнями иллюзорный трон. Трон, оставшийся ничьим, хотя мог быть твоим.

Мне на плечо, гулко ухнув, усаживается Кайо – похоже, ему надоело наблюдать за столь увлекательной беседой со стороны. Я и сама едва не ухаю: плотный

плащ и рубаха, конечно, защищают кожу от его когтей, но весит моя тьма немало.

– Значит, ты радеешь за благополучие наследника, – делаю я вывод. – Младший брат Короля послал на битву с чудовищем слепого рыцаря.

– Младший брат Короля никого не посылал, – пожимает плечами олвитанец, и я уже открываю рот, чтобы сказать какую-нибудь глупость о самоотверженности и инициативе, но тут же его захлопываю.

«Еще совсем недавно правил Олвитаном вредный старик, и было у него два сына. В старшем король души не чаял, воспитывал его по своему образу и подобию, учил всему, что знал сам, да против врагов своих извечных настраивал. А младший принц, запасной, бегал за братцем хвостиком, стремясь поймать хоть отголосок отцовского благоволения. И когда старик умер, а старший из сыновей взошел на трон, младший так и остался при нем неотлучной тенью. С тех пор куда бы ни отправился новый Король – принц стоит за правым его плечом».

Полагаю, спасать девиц из башен братья тоже привыкли вместе. И убивать ведьм.

– Вы крайне отважны, ваше высочество.

Глава 3. Корни и кости

Кайо – единственное, чему ты всегда завидовала. Много лет назад, когда он только выпорхнул из моей груди, ты вскрыла свою в поисках такого же.

Вскрыла заговоренным матушкиным ножом, потому никакие чары не помогли убрать шрам.

С тех пор ты носишь на теле вечное напоминание о моем крошечном превосходстве. С тех пор ты больше не скрываешь своей ненависти.

В самом начале этого пути я слабо представляла, что предстоит совершить, чем пожертвовать и на что решиться. Я плыла по течению, прислушиваясь, приглядываясь и запоминая. И стараясь не думать о конечной цели миссии, которую сама на себя возложила.

Но только теперь я понимаю, что то была лишь присказка, а путь мой, несмотря на стертые сапогами ноги и запыленный плащ, еще даже не начался.

Однако скоро начнется. Очень скоро.

Возможно, он начинается прямо сейчас, пока я, опустив голову и упершись коленями и ладонями в крошево мраморного пола, смотрю на дворцовые руины глазами Кайо.

Он парит в почерневшем небе, откуда искореженные обломки кажутся небрежно разбросанными по земле детскими игрушками. В дальних залах, куда я так и не добралась, мерцают золотистым светом упомянутые Принцем иллюзии. Кажется, какие-то статуи. Возможно, вблизи я сумела бы рассмотреть лики твоих родных... твоих жертв, но с высоты птичьего полета угадываю только изгибы тел и застывший танец одежд.

Я не знаю, что именно надеюсь найти. Какой-то знак. Намек. Любую странность. Но самые странные здесь как раз мы: безглазый Принц, фальшивая Ведьма да ненастоящая птица.

Ну и иллюзии, конечно. Зачем они нужны? Кто и когда их создал? Всегда ли король Ирмании восседал на иллюзорном троне или то лишь случайно отпечатавшийся в реальности отголосок прошлого?

Мне подобные чары незнакомы, но и кладезем знаний меня не назовешь. До четырнадцати лет я училась у матери (которая и сама образованностью не блистала), а после постигала колдовскую науку самостоятельно, методом проб и ошибок, и вряд ли стоит сообщать об этом Принцу.

Тот мнется в стороне, и хоть ему не терпится – я чувствую это кожей, – он не вмешивается. Верно, опасается нарушить какой-нибудь ведьмовской ритуал.

Иллюзорные статуи распадаются на искры и тают, и в тот же миг в соседних комнатах вспыхивают новые.

– Мне бы бумагу и перо, – говорю я вслух, ни на что особенно не рассчитывая.

Просто было бы неплохо зарисовать расположение иллюзий на случай, если они действительно что-то значат.

– Конечно, сейчас только сумку открою. Куда ж слепому без бумаги и перьев.

– Без ерничанья, видимо, тоже никуда, – бормочу я и осторожно открываю глаза.

Зрение раздваивается, вид сверху и разрушенный тронный зал словно наслаиваются друг на друга, но я умудряюсь удержать связь с Кайо. Редкое везение. Затем подгребаю к себе мелкие камешки и обломки и на относительно чистом пространстве пытаюсь выстроить некое подобие карты.

Получается из рук вон плохо.

Я уже почти забыла, где мерцали предыдущие статуи, да и в целом, даже с учетом трона, получившаяся картина никакого ответа не дает. Я не вижу связи.

Разумеется, это не значит, что ее нет. Скорее, что вообразить и сообразать – не совсем мое.

Но я не сдаюсь.

И пока я сосредоточенно передвигаю камешки и прокладываю между ними невидимые линии в поисках пересечений, дворец наполняется новыми иллюзиями. Кажется, это деревья и фонтан во внутреннем саду.

Они словно уходят вглубь, убегают все дальше и дальше от трона.

«Или показывают дорогу», – шепчет тьма, и я вскакиваю, резко оборвав связь с Кайо.

Он раздраженно вскрикивает и растворяется в ночи. Надеюсь, улетает к последним появившимся иллюзиям. А я поворачиваюсь к Принцу:

– Ты видишь вспышки. Иди за ними.

Не самая лучшая идея следовать за слепцом, но из нас троих сейчас как раз от меня никакого толку.

Я жду очередного ехидного замечания, но он лишь хмурится и, повертев головой, уверенно направляется в черное нутро каменного монстра.

Здесь, внизу, без зрения Кайо, мне не понять, что настоящее, а что рассыплется при первом же касании, но в Принце я не сомневаюсь. Во-первых, порой он останавливается и явно ждет, когда вспыхнут новые указатели, и вряд ли это умелая игра – слишком уж нам обоим неуютно в эти минуты, наполненные тягостным молчанием. А во-вторых, вскоре мы добираемся до того самого фонтана, над которым кружит Кайо, и дальше путь продолжаем уже втроем.

Кайо отмечает для меня иллюзорные предметы, усаживаясь на них. И, как и трон, на прикосновения птицы-тьмы они никак не реагируют.

Я часто спотыкаюсь, цепляюсь плащом за торчащие тут и там обломки, получаю по лбу внезапно появившимися из темноты ветками. И с каждой минутой все сильнее злюсь на Принца, который со сноровкой циркача огибает любые препятствия. В какой-то момент мне даже хочется сорвать с него повязку и возопить: «Обманщик!», но я знаю, что это глупость.

Он в одиночку добрался в чужой враждебный край и выживал здесь не один день – естественно, ему нипочем какие-то ветки.

А вот палкой своей Принц почти не пользуется, и мне начинает казаться, будто она и нужна лишь для того, чтобы было чем занять руки.

Мы не сразу понимаем, что путь закончился, и у последней иллюзорной статуи – огромной, запрокинувшей лицо к небесам, – стоим слишком долго. Заскучав, я вновь сливаюсь с сознанием Кайо и разглядываю сияющую каменную фигуру с высоты.

Это женщина в длинном струящемся одеянии, и мне требуется несколько мгновений, чтобы понять, что она отнюдь не поднимала лица к небу. Лица у нее вовсе нет. Нет головы. По крайней мере на плечах.

Голову она нежно баюкает в сложенных у груди руках. Очевидно, свою. Со спутанными, словно корни растений, волосами, острыми скулами и оскаленным ртом. Остальные черты будто смазаны, толком не разглядеть, но в черных провалах, заменяющих женщине глаза, что-то белеет... движется, копошится...

Задохнувшись от ужаса, я разрываю связь и возвращаюсь в человеческое тело, к счастью, не одаренное таким острым зрением.

– Что? – настораживается Принц.

– Жутковато тут. – Я передергиваю плечами. – Темно.

– Ох, бедняжечка...

А вот и долгожданное ехидство.

Решив благородно не обращать на него внимания, я жду еще минуту, две, три, а потом Принц хлопает статую по ноге – и она развеивается искрами по ветру.

– Похоже, эта последняя. – Он упирает кулаки в бока и оглядывается. – Ну и куда нас привел сей тернистый путь?

Мне бы тоже хотелось знать ответ...

Судя по обугленным стволам деревьев и вросшим в землю скамейкам, мы в одном из уголков огромного дворцового парка. Сейчас сложно представить, что когда-то по этим тропам прогуливались знатные особы, а вон на том пустыре явно стояла беседка, где королевский гвардеец мог украсть поцелуй смущенной

фрейлины.

Сегодня ни один из них даже не подумал бы сунуться в это мертвое царство, тем более глубокой ночью. Только нам с безумным Принцем сюда и дорога...

Я тоже гляжу по сторонам и даже сплетаю незримые нити светлых чар, дабы чуть лучше видеть в темноте. И, как и последние три года, тьма немедленно вмешивается в плетение, искажая его, загрязняя. В итоге мрак и впрямь немного отступает, я вижу на несколько метров вглубь парка, вот только все в красном цвете.

Чудесно. Будто мне и без того не хватает впечатлений.

– Ведьмачишь, Ведьма? – спрашивает Принц. – Вся так и светишься. И ты толстая.

– Неправда! – вскидываюсь я, а этот паяц смеется.

– Успокойся, я вижу только мерцание чар. Весьма слабеньких, кстати говоря.

– Прости, высочество, что не пытаюсь тебя впечатлить.

Поразительно, как быстро и ловко он вытащил наружу мое нутро, такое же искаженное, как и чары. Всего несколько часов назад, в таверне, я призывала местных помочь несчастному чужаку, а теперь сама готова его растерзать за глупую шутку.

Он же нарочно меня изводит! В этом вы с ним необычайно похожи... Надеюсь только, цели у вас разные.

Дав себе зарок больше не попадаться в ловушки Принца и даже не рассчитывая его исполнить, я возвращаюсь к созерцанию окрестностей. Если я не ошиблась и иллюзии указывают на место, должен быть еще какой-то знак...

– Эй, ты обиделась? – зовет Принц.

Я молчу, и он подходит ближе.

– Не обижайся. Я слишком долго был один и просто рад возможности поговорить не с пустотой.

Конечно. Я чуть лучше пустого места. Хочется сказать, что я, между прочим, тоже не избалована компанией, но пока есть силы, я держусь.

– Еще по ту сторону воды, в Олвитане, я как-то поймал кролика, но не смог его убить и съесть, – продолжает Принц. – Он меня будто бы слушал и даже хрустел в ответ. Как потом оказалось, хрустел запасами моих овощей, пока не сожрал их все, после чего дал деру. Такого предательства наша зарождающаяся дружба не выдержала.

Приходится закусить губу, чтобы не рассмеяться, но, судя по довольному лицу, он и мою улыбку слышит.

– Ты его поймал и отомстил? – спрашиваю я.

– Что ты, я не такой! – возмущается Принц до того притворно, что я почти не сомневаюсь: где-то в его карманах есть кроличья лапка.

На удачу.

Удача бы нам сейчас не повредила.

С этой мыслью я поворачиваюсь к месту, где совсем недавно возвышалась жуткая статуя. Если это конечная точка, то, может, она и есть указатель?

Этот клочок земли ничем не отличается от других, и если меня хорошенько покрутить с закрытыми глазами и запутать, я его точно не найду. Так что, пока помню, неплохо бы копнуть поглубже. Ведь если ничего нет на поверхности, значит...

Я успеваю сделать ровно пять шагов и, похоже, встаю прямехонько на место статуи, когда земля под ногами расходится. Без предупреждающих трещин и грохота – просто распахивает пасть и заглатывает меня целиком.

Я бы не удивилась, услышав над головой кляцанье зубов, но вместо него сверху доносится крик Кайо и неразборчивое бормотание Принца. Он не очень-то и встревожен, скорее, озадачен моим молчанием. Наверняка сказал очередную гадость, а я не ответила.

А я меж тем проваливаюсь все глубже и глубже...

Изо всех сил упираюсь в рыхлые стены ногами, пытаюсь ухватиться за торчащие из земли корни, но они вдруг обвивают мои щиколотки и запястья, сдавливают талию – и вскоре я уже не падаю, а трепыхаюсь увязнувшей в паутине мухой.

На дно меня опускают как не слишком ценный груз, и корни тут же исчезают в земляных норах, даже сквозь одежду оставив на коже болезненные ожоги.

– Ты там ведьмачишь? – кричит наверху Принц. – Под землей все светится.

Я задираю рукава и дую на запястья в надежде приглушить жжение.

– Мог бы для начала спросить, жива ли я, – отзываюсь раздраженно.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Вид сов из рода неясителей. Здесь и далее примечания редактора.

Купити: https://tellnovel.com/te_kristina/moya-temnaya-koroleva

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)